Статьи. Теория

Александр А. Кондаков
Университет Висконсин-Мэдисон, США

Международные дискуссии о гомосексуальности: эффекты бумеранга в потоках власти

Гомосексуальность с недавних пор — особый объект международной политики. Генеральный секретарь ООН объявил права ЛГБТ вопросом всемирного значения, призвав нации отказаться от дискриминационного законодательства против своих ЛГБТ-граждан. Предыдущий президент США поддержал расширение границ сексуализированного гражданства, распространяя правовое признание на однополые семьи. Схожие тенденции характерны для стран Европейского союза.

Одновременно повторяются попытки криминализации гомосексуальности в конкурирующем лагере национальных государств: новый виток уголовного законотворчества против мужчин-геев намечается в Индии, тюремные заключения за добровольные сексуальные отношения между мужчинами вводятся и отменяются в Уганде, а высшая мера наказания — в Зимбабве. В этом ряду стоит и запрет так называемой «пропаганды гомосексуализма», введенный в России в 2013 г. под видом защиты детей от информации о «нетрадиционных сексуальных отношениях». Эта новация уже заинтересовала парламентариев других бывших республик СССР. Представляется, что вопрос о гомосексуальности делит мир надвое. Однако такое восприятие происходящих процессов слишком упрощает ситуацию.

Оба подхода (включающий и исключающий) используют схожие механизмы власти и питаются из одного и того же источника. Воспользовавшись идеями Мишеля Фуко и квир-теории, я покажу потоки отношений власти, позволяющие предложить более комплексный

Кондаков Александр Александрович — кандидат социологических наук, постдок исследователь (Университет Висконсин-Мэдисон, США); научный сотрудник (Центр независимых социологических исследований, Санкт-Петербург, Россия). Научные интересы: исследования сексуальности и права, социология права, ЛГБТ-исследования и квир-теория. E-mail: kondakov@cisr.ru
Alexander A. Kondakov — PhD in Sociology, post-doctoral fellow (University of Wisconsin-Madison, US); researcher (Centre for Independent Social Research, St. Petersburg, Russia). Research interests: law and sexuality studies, sociology of law, LGBT studies and queer theory. E-mail: kondakov@cisr.ru

анализ набирающего обороты противостояния. Власть в этом смысле не заключается в одном источнике, и, следовательно, конкретная властная позиция не может быть характерна только для некоторых стран и не свойственна другим. Скорее, речь может идти о пересекающихся потоках власти, пронизывающих дискуссии о гомосексуальности на международной арене.

Ключевые слова: ЛГБТ, права человека, пропаганда, международные отношения, Фуко

Alexander A. Kondakov, University of Wisconsin-Madison, US
International Discussions of Homosexuality: Boomeranging effects in power currents

Homosexuality has recently become a matter of international politics. UNO General Secretary announced LGBT rights a global agenda and called for rejection of discriminatory laws in national legislatures. Former president of the USA supported widening of sexual citizenship by inclusion of same-sex couples. Similar tendencies have been demonstrated by the European Union countries. Yet, simultaneously, there are attempts to criminalize homosexuality in a somewhat concurrent camp of the global debate: new round of criminalization in India, prison terms for gay men in Uganda, or capital punishment in Zimbabwe. Ban of so called 'propaganda of non-traditional sexual relations' stands in this row. It was enacted in Russia in 2013 to protect children from becoming gay by learning information on LGBT issues. This initiative has been interesting for members of parliament in other post-Soviet republics. It seems like the world is divided in two parts by the question of homosexuality. But this perception is an oversimplification. Both inclusive and exclusive approaches use the same power technics and come from the same source. I use ideas of Michel Foucault and queer theory to show the ways how a complex analysis of the situation might be brought about. In this sense, power does not come from only one source, but is always embedded in relations between forces. Hence, there are intersecting currents of power that make the international discussion of homosexuality possible.

Keywords: LGBT, human rights, propaganda, international relations, Foucault

doi: 10.22394/2074-0492-2018-1-14-32

Введение

Россия принялась продвигать политические и правовые ограничения, накладываемые в связи с гомосексуальностью, на мировом уровне в 2009 г., предлагая интерпретировать права человека через концепцию «традиционных ценностей» в ООН [Wilkinson, 2014]. Как показывает анализ Кай Уилкинсон (в этом номере), согласно представителю РФ в ООН, странам-участни-

цам необходимо дать право трактовать мировое законодательство в области прав человека, согласно суверенным идеологемам и основываясь на традициях в качестве источников прав человека. На практике это означало бы, что правительства получат возможность легитимно игнорировать требования директив ООН, апеллируя к их несоответствию «традиционным ценностям» страны, где они должны были бы применяться. Определение «традиций» при этом может включать любые политические идеи, которые захотят использовать политики и чиновники в собственных целях [Хили, 2014]. Хотя гомосексуальность лишь вскользь обсуждалась в этой связи в то время, пропаганда традиционных ценностей в самой России сфокусировалась практически исключительно на гомосексуалах.

Начиная с 2000-х годов идея запрета публичных проявлений чего-либо, ассоциирующегося с гомосексуальностью, распространялась по кулуарам законодательных собраний страны [Healey, 2008]. Депутаты Госдумы обсуждали возможности уголовного запрета «пропаганды» гомосексуальности, но отвергали подобные инициативы ввиду их незначительности или стремления сохранить членство в международных институтах в ущерб «сексуальному суверенитету» в их собственном понимании. Тем не менее в 2006 г. первый запрет «пропаганды» вступил в силу на региональном уровне в Рязанской области. Наиболее известная правовая инициатива против «пропаганды» гомосексуальности была начата перед выборами в Законодательное собрание Петербурга в 2011 г. Полный перечень запрещенных феноменов включал «мужеложство», «лесбиянство», «бисексуализм», «трансгендерность» и «педофилию». Однако дискуссии в большей степени сконцентрировались вокруг мужской гомосексуальности.

Примером логики законодателей при внесении закона на обсуждение может являться документ, распространяемый во время «общественных слушаний» инициативы в законодательном органе города[1]. Этот документ был подготовлен украинским «Движением в защиту семьи, детства и нравственности»[2], партнером других общественных организаций в России и за рубежом с похожими названиями. Текст был озаглавлен наукообразно: «Статистика по гомосексуализму» и делился на три части, повествующие соответственно о распространении болезней гомосексуалами, «извра-

1 Депутаты прыгнут выше «радуги». Закон «о геях» дошел до третьего чтения (http://izvestia.ru/news/516574).

2 Статистика по гомосексуализму (http://za-nrav.narod.ru/index/0-31). (Орфография и пунктуация источника сохранены).

щенном» образе жизни и совершаемыми ими преступлениями. Уровень «научности» подтверждают следующие цитаты:

> «Гомосексуалисты имеют вину за распространение СПИДа в США. Они к тому же создали насильственные группы: Act Up и Ground Zero, и жаловались на дискриминацию. Сегодня гомосексуалисты тоже составляют более 50% случаев заболеваний СПИДом в США, что является довольно большим количеством, если учесть, что они составляют 1-2% населения».

Подобные статистические наблюдения вели авторов документа вовсе не к идее, что группы наибольшего риска заражения ВИЧ должны получить особое внимание для целей профилактики заболевания, а к идее необходимости искоренения гомосексуальности. Уже сама посылка, что геи «виноваты» в распространении вируса вскрывает логику авторов текста. Однако авторы и не прячут своей яркой гомофобной позиции. Так, во второй части документа (об «извращенном» образе жизни) представлены суждения о сексуальной жизни мужчин-геев, которые должны вызвать у читателя негативные эмоции и тем самым объяснить ненависть составителей «статистики».

> «Почти 67-80% гомосексуалистов лижут или же вставляют свой язык в прямую кишку своего партнера (так называемый «римминг», анилингус, фекал-секс и т. д.) и глотают биологически весомое количество кала, что у гомосексуалистов является главной причиной гепатитов и инфекционных паразитов. (8) Эта практика в бестселлере “The Joy of Gay Sex” (“Радости гомосексуального секса”) называется “приятно вкусный секс”».

В научной литературе активно изучаются дискурсивные стратегии ревнителей нравственности, которые задействуют эмоциональные ассоциации в культурном спектре стыда и позора для дискредитации ЛГБТ. Наиболее современным примером могут служить публикации, анализирующие споры вокруг законодательных инициатив по криминализации гомосексуальности в Уганде [Ashworth, 2017]. «Статистика по гомосексуализму» активно использует подобный язык эмоций, сочетая его с однозначными намеками на необходимость регулирования «девиантов» посредством уголовного права. Так, согласно авторам документа, геи и лесбиянки *уже* являются преступниками.

> «21% лесбиянок умирают в результате убийств, самоубийств или транспортных катастроф, что превышает смертность нормальных женщин в 534 раза (8)»; «50% звонков по горячей линии сообщают, что «драки голубых» включают домашнее насилие. (т. е. гомосексуалисты избивают друг друга) (18)».

И все же основным преступлением, которое совершают ЛГБТ, является рекрутирование детей в свое сообщество. Этот кочующий аргумент указывает на механизм, которым, как считают политики, пропагандируется и распространяется гомосексуальность: общественные акции ЛГБТ привлекают детей и позволяют воспроизводить их сообщество.

> «Гомосексуалисты не могут размножаться естественным путем, и поэтому склоняются к рекрутированию детей. На гей-парадах можно услышать, как скандируют гомосексуалисты: "Десять процентов не достаточно, набирайте, набирайте, набирайте!" Группа под названием "Lesbian Avengers" (т. е. "Лесбийские мстители"), выхваляется тем, что набирает молодых девчонок. В их самиздате прочитаете: Набираем! Некоторые гомосексуалисты в этом не столь открыты, но стараются проникнуть в [сообщества и на должности], чтобы получить доступ к податливому мышлению детей (напр.: священники в США, учителя, руководители скаутов».

Аргумент о рекрутировании отсылает к циркулирующим в политических речах биополитическим идеям [Фуко, 2005]: по мнению некоторых политиков, ЛГБТ не способны обеспечить государство потомством, т. е. выполнить основную задачу граждан. Такая дискурсивная логика позволяет определять хороших и плохих граждан в зависимости от их мнимой способности к продолжению рода. Та же логика позволяет обозначить некоторые сексуальности как поощряемые (гетеросексуальность), а другие — как подозрительные и соответственно требующие правового вмешательства. Опасения политиков, что в результате «пропаганды» ЛГБТ станет больше и, следовательно, родится меньше людей, возможно, не что иное как риторический конструкт, в который сами говорящие не верят. Тем не менее их слова имеют вполне реальные последствия, одно из которых — принятый в России на федеральном уровне закон о запрете «пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений».

При анализе подобных высказываний есть искушение обозначить их архаичными, определить группу «отсталых» стран, в которую попали бы, например, Уганда и Россия, и ждать, когда в них наступят новые времена, если прогресс истории неизбежен. Однако эти суждения не столь надежно привязаны к конкретным национальным границам, как представляется на первый взгляд. Мой дальнейший анализ — попытка наметить возможные пути изучения глобальной циркуляции гомофобии, который обнаруживает более сложную картину, чем карта мира, разделенная надвое. Далее я опишу эту карту конвенционально, но в заключительной части предложу способы оспаривания этой конвенции. Моя цель —

не только предложить по-новому взглянуть на политику в области гомосексуальности на международной арене, но прежде всего оспорить упрощенный взгляд на международные дискуссии, поскольку упрощение затмевает способность анализировать циркуляцию власти.

Конвенциональный взгляд на международную дискуссию о правах ЛГБТ

Развернувшиеся в России в 2010-е годы дискуссии могут представляться закономерными или, напротив, совершенно неожиданными в зависимости от политических представлений оценивающих. Важно, однако, что в другой части света эти аргументы давно известны. В 1987 г. Маргарет Тэтчер заверяла британскую публику:

> «Именно положение отдельных мальчиков и девочек беспокоит меня больше всего. Слишком часто наши дети не получают образования, в котором нуждаются — образования, которого заслуживают. <...> Дети, которые должны изъясняться на хорошем английском, обучаются политическим слоганам. Дети, которые должны уважать традиционные нравственные ценности, учатся тому, что у них есть неотъемлемое право быть геями. <...> Всех этих детей обманывают с младых ногтей — да, именно так, обманывают»[1].

За заявлением Тэтчер последовали законодательные реформы школьных программ, направленные на то, чтобы дети не рекрутировались в сообщества гомосексуалов. Так в Британии принималось собственное законодательство в области запрета «пропаганды гомосексуализма». Тем не менее, спустя 25 лет, в 2013 г., когда в России вводился запрет на «пропаганду», ситуация в Англии кардинально поменялась. Коллега Тэтчер, премьер-министр от Консервативной партии Дэвид Кэмерон анонсировал общемировую кампанию за однополые браки, заявив, что хочет экспортировать однополые браки в другие страны после их признания на острове.

> «Я уже сообщил авторам законопроекта, что собираюсь продлить их контракты, потому что, конечно, люди по всему миру следили за нашей инициативой, и мы смогли дать пример того, как следует принимать хорошие законы и вовремя.
>
> Многие страны захотят их скопировать. И, как вы знаете, я говорю в данном случае о мировой гонке, о том, что мы стали экспортировать больше и продавать больше. Поэтому теперь я собираюсь экспортиро-

1 M. Thatcher “Speech to Conservative Party Conference” (http://www.margaretthatcher.org/document/106941).

> вать команду, занимавшуюся этим законом. Думаю, они смогут принять участие в этой мировой гонке и распространить закон по всему земному шару»[1].

В своей речи Кэмерон не отступает от консервативных принципов, но вписывает гомосексуальность в более общий контекст соответствующих ценностей. Брак — это консервативный институт, а однополые браки в чем-то его поддерживают. Еще важнее, что премьер-министр Великобритании говорит о «мировой гонке» и генерируемых ею прибылях, то есть рассуждает о сексуальности языком неолиберальной экономики, утверждая связь между однополыми браками и консерватизмом.

Увлеченность Кэмерона однополыми браками действительно поддерживается, если не во всем мире, то по крайней мере в той его части, которую принято называть «Глобальным севером» или «Западом». В 2014 г. большинство штатов США приняли соответствующие поправки для признания законности однополых браков, а в 2015-м — Верховный суд сделал однополые браки легальными по всей стране. Канада, Франция, Швеция и многие другие страны существенно расширили сексуализированное гражданство [Кондаков, 2012], в том числе провели реформы семейного законодательства [Leckey, 2015]. Более того, логика Кэмерона по экспорту однополых браков отражается и в других нормативных актах на международном уровне. В Германии миграционный закон был изменен таким образом, чтобы включить «сексуальную ориентацию» в список параметров для предоставления политического убежища. Барак Обама попросил Конгресс признавать однополые семьи из других стран при переезде в США еще в 2012 г. Европарламент призвал национальные правительства ЕС отменить любые дискриминационные по отношению к ЛГБТ законы, действующие сегодня в Европе. Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун возглавил глобальную кампанию за права человека для ЛГБТ, предлагая государствам избавиться от уголовных статей против гомосексуальности, составляющих колониальное наследие. «Права геев» стали флагманом международной политики. Бывший госсекретарь США Джон Керри весьма прямолинейно выразил эту идею в одном из выступлений:

> «Защита всеобщих прав человека является сутью нашей дипломатии, мы остаемся верными линии распространения прав человека для

1 D. Cameron. “I want to export gay marriage around the world” (http://www.telegraph.co.uk/news/politics/10200636/I-want-to-export-gay-marriage-around-the-world-says-David-Cameron.html).

> всех, включая ЛГБТ-индивидов. <...> По всему миру — в Африке, Азии, Европе и Америках — наши дипломаты помогают местным ЛГБТ-организациям и поддерживают местных защитников прав человека, чтобы продвигать идеалы равенства, создавать пространство для диалога и обеспечить безопасность для ЛГБТ-индивидов. <...> Для меня честь подтвердить приверженность Госдепартамента в продвижении прав человека для ЛГБТ и для всех людей во всем мире»[1].

Это были не пустые слова — дипломаты США действительно фокусировались на данном вопросе. В своих выступлениях президент Обама настаивал, что права ЛГБТ должны соблюдаться во всем мире. Вопрос о роли и месте России оказался центральным, как некогда в логике «холодной войны». Так, канадский министр иностранных дел подтвердил свое намерение сотрудничать с Госдепартаментом США с целью надавить на Россию по поводу закона о «пропаганде гомосексуализма», а министр развития Германии Дирк Нибель сообщил:

> «Мы должны ясно заявить при общении с российскими политиками, что это [закон о пропаганде] нарушение фундаментальных демократических ценностей недопустимо, и Россия движется к тому, чтобы стать безупречной диктатурой»[2].

Отчасти эти увещевания и угрозы работают. Президент Уганды долго не подписывал утвержденный парламентом гомофобный законопроект после того, как узнал, что это послужит причиной отказа в финансовой помощи со стороны США, Канады и Швеции. Хотя он все же подписал законопроект, его позже отменил Верховный суд Уганды. Президент Сербии Томислав Николич предупредил коллег, что запрет гей-парада в Белграде будет служить существенным препятствием для интеграции страны в Евросоюз. И все же большинство правительств противостоят глобальной повестке полноправного гражданства для ЛГБТ. Бывший президент Зимбабве Роберт Мугабе ответил Обаме:

> «Вот, этот американский президент, Обама, рожденный африканским отцом, говорит, что не предоставит нам помощь, если мы не примем гомосексуальность <...> А мы спрашиваем, он что, родился от гомосексуальности? Нам необходимо продолжение нашей расы, а это обеспечивается только с женщинами, а не с гомосексуалами. Джон и Джон —

1 LGBT Pride Month Statement for Secretary of State John Kerry (https://globalequality.wordpress.com/2013/06/05/lgbt-pride-month-statement-for-secretary-of-state-john-kerry/).

2 Дирк Нибель (http://www.gayrussia.eu/world/7467/).

> нет, Мария и Мария — нет. Они хуже собак и свиней. Я держу свиней, и самец свиньи познает самку»[1].

В этой форме биополитические аргументы, выстраивающие отношение к гомосексуальности на презумпции невозможности продолжения рода, необходимого для целей национальной политики, пожалуй, звучат достаточно редко. Тем не менее в не столь импульсивной манере они составляют привычный антураж политических дискуссий вокруг ЛГБТ. Российский президент Владимир Путин не раз высказывался, что вопрос о правах гомосексуалов — это вопрос демографический [Кондаков, 2012]. В суждениях Путина прослеживаются не только ассоциации гомосексуальности с «невозможностью» производства потомства, но и отрицание какой-либо дискриминации в отношении ЛГБТ, несмотря на свидетельства обратного. В его ответах о законе о «пропаганде» мировой прессе он часто повторяет:

> «у нас нет запрета на гомосексуальность. У нас есть запрет на пропаганду гомосексуализма среди несовершеннолетних. Это разные вещи, понимаете?
>
> В Соединенных Штатах, о которых мы говорили, есть в некоторых штатах уголовная ответственность за гомосексуализм. У нас нет вообще никакой ответственности. Есть запрет на пропаганду гомосексуализма среди несовершеннолетних. Мы вправе защищать своих детей, и мы будем это делать»[2].

То, что сам закон является дискриминационным, президент отказывается видеть. Точно так же представители международной прессы отказываются видеть, что гомосексуальность может передаваться детям посредством «пропаганды». Этот конфликт кажется неразрешимым, поскольку вопрос и ответ даются в разных логиках, в непересекающихся дискурсах. Логика международной прессы принадлежит одной части света — той, в которой Дэвид Кэмерон экспортирует однополые браки. Логика Путина — биополитические аргументы о демографии и отрицание дискриминации ЛГБТ — маркирует другую часть света, в которой живут он и, например, президент Сенегала Маки Сол, отрицающий, несмотря на существование уголовного преследования за добровольные сексуальные отноше-

1 Mugabe says of Obama's gay rights push, "We ask, was he born out of homosexuality?" (http://www.washingtonpost.com/blogs/worldviews/wp/2013/07/25/mugabe-says-of-obamas-gay-rights-push-we-ask-was-he-born-out-of-homosexuality/).

2 Интервью Владимира Путина радио «Европа-1» и телеканалу TF1 (http://www.kremlin.ru/transcripts/45832).

ния между мужчинами, дискриминацию прав ЛГБТ-сообщества в его стране.

> «Мы еще не готовы декриминализировать гомосексуальность. Но это не означает, что мы гомофобы. <...> Нашему обществу нужно время подумать. На гомосексуалов мы в Сенегале не охотимся»[1].

Деление мира надвое в этом вопросе представляется очень четким. Есть страны, которые продвигают права ЛГБТ в рамках своих границ и за их пределами, и есть страны, которые пропагандируют ненависть к гомосексуалам. Обе группы стран привержены своим идеалам и не перестают производить все новые инициативы: однополые браки, закон о статусе беженцев, закон о недискриминации на рабочем месте. Путин тоже обещает: «Проблема секс-меньшинств носит преимущественно виртуальный характер. <...> Но мы смотрим в будущее и будем совершенствовать законодательство в этой сфере»[2]. На этот раз президентские обещания были выполнены. За законом о пропаганде последовали запреты о приеме детей в однополые семьи в других странах, а также индивидами в России, не состоящими в браке.

Эти законы, возможно, сложно применять на практике, однако они являются юридической установкой сексуальных иерархий, подтверждая законодательно, что гетеросексуальность считается единственной легитимной формой сексуальности в России, Уганде, Сенегале и других странах. Если идея Дэвида Кэмерона об экспорте однополых браков амбициозна, но вряд ли получит развитие за пределами стран, давно определившихся в этом вопросе, то российский экспорт закона о пропаганде «гомосексуализма» пользуется спросом. Литва и Уганда уже заинтересовались этой инициативой. Парламент Кыргызстана одобрил схожий законопроект в двух чтениях. Идентичная норма готовится в Армении.

Как увидеть ситуацию иначе?

В описанной выше дискуссии намечается противостояние Востока и Запада. Спустя годы, Россия и США вновь становятся по разные стороны мировых баррикад. Холодная война коммунизма с капитализмом приобретает новую форму в дискуссиях за и против го-

1 Obama begins Africa tour, clashes with host over gay rights (http://www.nj.com/news/index.ssf/2013/06/obama_begins_african_tour_clashes_with_host_over_gay_rights.html).

2 В. Путин «Россия будет совершенствовать законодательство в отношении геев» (http://www.gayrussia.eu/russia/9525/).

мосексуальности. В России слово «гомосексуальность» используется редко, поскольку считается, что это идеология, которой можно научиться [Эссиг, 2014, с. 6]. Поэтому в русском языке существует слово «гомосексуализм» — суффикс «-изм» указывает на идеологический характер гомосексуальности. Но Россия не исключение: в современном мире гомосексуальность повсеместно становится «гомосексуализмом». Правительства обязаны определяться, признают ли и продвигают ли они законодательство в области прав человека для геев и лесбиянок, либо же они записываются в недоразвитые, варварские и отстающие страны. В этом смысле вопрос теряет свое конкретное выражение для повседневной жизни людей и становится вопросом о власти — предметом глобальной политики. Канцлер Германии Ангела Меркель свидетельствует об этом заявляя, что, узнав о позиции Путина по вопросу ЛГБТ-прав, она поняла, что ЕС и США должны отбросить всяческие попытки найти с Кремлем общий язык. Кремлевские военные в Украине убедить ее в том же самом не могли[1].

Новый виток развития «машинерии сексуальности» [Foucault, 1978] маркирует переход от «гей-интернационала» [Massad, 2002], когда в глобальных дискуссиях доминировали сравнительно безвластные культурные и правовые термины относительно ЛГБТ, к «глобальной поляризации» [Altman, Symons, 2016], когда гомосексуальность становится «гомосексуализмом» — идеологией, которой определяется место страны на мировой арене. Это также означает, что политика превалирует в этих дебатах над практикой, затмевая как реальное положение ЛГБТ в разных странах, так и теоретические дискуссии о гомосексуальности и вообще сексуальности вне контекста противостояния двух противоборствующих лагерей. Иными словами, внешнее выражение дискурса прячет механизмы власти, действующей для производства нового типа истин и новых субъектов, пока сторонние наблюдатели вовлекаются в нерелевантные дебаты.

Далее я предлагаю обратиться к анализу возможных эффектов и механизмов указанного дискурса. В задачи моего анализа входит вскрытие потоков власти, демонстрирующих комплексность ситуации, описанной выше, однако в условиях ограниченных возможностей я лишь хочу предложить направления дальнейшей работы.

Гомосексуальность уже становилась предметом пристального внимания государства в нашей недавней истории. В первые годы Советского Союза партия и правительство пропагандировали от-

1 B. Pancevski “Putin’s anti-gay tirade ends pas-de-deux with Merkel” (http://www.thesundaytimes.co.uk/sto/news/world_news/Europe/article1490279.ece).

мену уголовного преследования гомосексуалов как часть мировой революции, в том числе сексуальной революции. Официальный представитель советской власти, народный комиссар здравоохранения Николай Семашко во время своего визита в Берлин сообщил, что декриминализация гомосексуальности в СССР — осознанный шаг и часть предпринимаемой партией программы [Хили, 2008, с. 163].

Журнал Магнуса Хиршфельда позже опубликовал отчет о визите Семашко в Институт по изучению сексуальности в 1923 г. В отчете сообщалось, что нарком «с удовлетворением заявил, что прежнее уголовное преследование против гомосексуалистов в новой России полностью отменено. Он также объяснил, что никаких нежелательных последствий после отмены этой статьи не выявлено, и он не хотел, чтобы вопрос о возвращении наказания еще раз поднимался на каком-либо уровне» [Там же, с. 164]. Дэн Хили также приводит в пример книгу советского гигиениста Баткиса «Сексуальная революция в России», в которой представлена официальная позиция советской власти по вопросу гомосексуальности и, в частности, сообщается, что это «естественное сношение». Книга была специально опубликована на немецком языке, чтобы пропагандировать советские идеи в этой сфере на Западе.

Нам неизвестно, каким образом развернулась бы история советской гомосексуальности, если государство придерживалось бы этого курса и дальше. Тем не менее, как только гомосексуальность стала вопросом государственной политики и стала открыта государственным интервенциям, развитие этого понятия стало определяться политическими изменениями в СССР. Актуализация коммунистической утопии в России приобрела новый вектор в середине 1930-х. Революционные идеалы были отброшены, и для правительства не составило большого труда ввести в действие любые изменения, которые пожелали бы советские бюрократы, ввиду государственнического подхода к определению режима гражданства в стране [Kondakov, 2014]. В 1934 г. добровольные гомосексуальные отношения между мужчинами снова стали уголовным преступлением.

Работу правительства по криминализации гомосексуальности можно понимать как успешную попытку введения тотального контроля над определением разрешенного и запретного в принципе. Монополизация власти в одном единственном институте — государстве — превратило все в политику. Поскольку КПСС взяла на себя ответственность за идеологию, индустрию, науку, сексуальность и проч., любое несогласие с политикой партии в соответствующих сферах считалось политическим заявлением. Несогласие маргинализировалось по мере распространения тотализирующего эффекта политизации всех жизненных сфер, а альтернативные сексуаль-

ности могли стать причиной политического давления на человека [Козловский, 1986], партийного разбирательства [Стелла, 2014] или тюремного заключения [Кон, 2003, с. 355].

Этот урок может быть полезен сегодня для Запада. Определение сексуализированного гражданства отдано на откуп государству, если люди ищут признания государством их интимных отношений в единственной форме — браке. Но требование этого признания имеет свою цену: субъекты экспроприируются государством через правительственное управление интимностью. В результате складывается впечатление прогресса, когда государство расширяет права и льготы для комфортного использования гражданами, коммодифицируя жизни и сексуальные отношения. Однако граждане должны не терять внимания и пристально следить за «доброй волей» правительства, поскольку действие по распределению прав и льгот — это все еще отношения власти, и, как показывает опыт СССР 1930-х, они легко могут поменять вектор. После победы на выборах США Дональда Трампа эта опасность становится для западных стран очевидной.

Мишель Фуко упомянул в одной из лекций так называемый эффект бумеранга. Этот эффект позволяет описать возвращение

> «...колониальной практики в юридическо-политическую структуру Запада. Не нужно никогда забывать, что колонизация с ее приемами и политическим и юридическим оружием, конечно, была переносом европейских моделей на другие континенты, но она имела обратное влияние на механизмы власти на Западе, на аппараты, институты и технику власти. Существовала целая серия колониальных моделей, которые были заново перенесены на Запад и привели к тому, что Запад смог практиковать в отношении самого себя нечто вроде колонизации, внутренней колонизации» [Фуко, 2005 с. 117].

Превращение гомосексуальности в гомосексуализм на Западе и есть эффект бумеранга. Содержательно отношение западных государств к гомосексуальности в данный момент существенно отличается от отношения остального мира. Однако техника власти по обращению с сексуальностью не меняется: она в полной мере стала вопросом государственного значения; государства определяют границы и содержание прав ЛГБТ. Точно так же как президент Мугабе утверждает, что он знает, чего заслуживают геи, президент Обама заявляет, что он знает — они хотят однополых браков. Государственное признание квир-отношений не являлось сколь-либо значимой повесткой гей-освободительного движения в США в 1970-е, оно не упоминается активистами квир-движения 1980-х. Однако теперь утверждается, что это единственный важный вопрос повестки борьбы.

Продвижение однополых браков Консервативной партией Британии и Христианскими демократами в Германии должно бы вызвать некоторый скепсис и подозрение, но большинство готовы признать государственную власть над определением повестки борьбы и интимных отношений. Это превращает ЛГБТ в доступные тела [Butler, Athanasiou, 2013], доступные субъекты, будущее которых станет определять правительство.

Элементы дискуссий о гомосексуальности, которые артикулируются российскими и африканскими политиками, не являются их собственным изобретением. По Фуко, потоки власти несут соответствующие идеи, согласно логике эффекта бумеранга, сквозь времена и пространства. Их можно обнаружить, если посмотреть на поляризирующие дискуссии в перспективе новых теорий. В квир-теории утверждается, что «отношения между центром и периферией артикулируются не только на глобальном уровне, но и на локальном» [Rosenberg, Vallarejo, 2012, p. 6].

В этом смысле разделение мира «гомосексуализмом» на две части должно быть верно и для уровня отдельных стран. Так, корни российского закона о пропаганде гомосексуальности следует искать в штате Иллинойс. Именно там расположен Говард-центр семьи, религии и общества (The Howard Center for Family, Religion and Society), возглавляемый Алланом Карлсоном. Этот человек посетил Москву в 1995 г. и подружился с завкафедрой демографии МГУ Анатолием Антоновым, который в свою очередь в 2007 г. свидетельствовал в суде по иску ЛГБТ-активистов, требовавших применить антидискриминационное законодательство против своих обидчиков. Профессор тогда заявил:

> «сексуальные меньшинства не являются социальной группой и тем более не являются социальной группой по признаку пола, а входят в девиантную социальную группу, куда также входят преступники, наркоманы и иные лица с отклонениями от принятого в обществе поведения» [Kondakov 2013, p. 417].

Связи Говард-центра и МГУ помогают налаживать канал для экспорта «традиционных семейных ценностей» из Иллинойса в Госдуму. Карлсон также является основателем Мирового конгресса семей, пропагандирующего «традиционные ценности» в глобальном масштабе и щедро финансируемого российскими олигархами[1].

1 Ch. Stroop “Russian Social Conservatism, the WCF and the Global Culture Wars in Historical Perspective, Political Research Associates” (http://www.political-research.org/2016/02/16/russian-social-conservatism-the-u-s-based-wcf-the-global-culture-wars-in-historical-context/#sthash.GHmbaFjH.DaLEseO7.dpbs).

Один из главных штатных пропагандистов Скотт Лайвли посетил некоторые регионы России как раз перед принятием первого закона о пропаганде в Рязани. После своего визита он написал «письмо русскому народу», предупредив об опасностях гей-движения[1]. В данный момент Лайвли преследуется судом США за участие в принятии гомофобных законов в Уганде по иску угандийских активистов. В беседе на радио еще одного консервативного политика — Брайана Фишера — Скотт Лайвли приветствовал подписание Путиным закона о пропаганде, заявив: «я в некоторой степени содействовал этому, и это одно из самых больших достижений в моей карьере»[2].

Что касается процитированной в самом начале «Статистики по гомосексуализму», она почти целиком принадлежит авторству Пола Кэмерона, изгнанного из профессиональной ассоциации психологов, который пытался дискредитировать ЛГБТ, совершая «открытия», включая те самые, что цитировались в Петербурге перед принятием регионального запрета «пропаганды». Его работа высоко ценится в Петербургском законодательном собрании и является основой местного законотворчества.

В то же время в Москве депутаты федерального уровня обратились к трудам дискредитированного социолога из Техаса Марка Регнеруса, утверждавшего, что он изучал однополые семьи и выявил, что воспитание в них связано с детскими травмами. Однако его работы не выдержали научной критики [Perrin et al., 2013; Chenga, Powell, 2015]. Регнерус был вынужден признать, что на самом деле он изучал разнополые семьи, разведенные в результате гомосексуального адюльтера. Его псевдоисследование представлял в Госдуме Брайан Браун, основатель Национальной организации за брак в США. Эти коалиции весьма активны в России и в других странах мира. Российские политики и религиозные иерархи выказывают большой интерес к работе с ними, организуя совместные конференции, посвященные традиционным семейным ценностям, копируя законодательные инициативы у американских евангелистов[3].

---

1 Dr. Scott Lively “Letter to the Russian People” (http://www.defendthefamily.com/pfrc/archives.php?id=5225300)

2 K. Mantyla “Lively: Russia’s Anti-Gay Law Is ‘One Of The Proudest Achievements Of My Career’” (http://www.rightwingwatch.org/content/lively-russias-anti-gay-law-one-proudest-achievements-my-career).

3 Елена Мизулина примет участие в заседании оргкомитета Всемирного конгресса семей (http://elenamizulina.ru/news/elena-mizulina-primet-uchastie-v-zasedanii-orgkomiteta-vsemirnogo-kongressa-semej.html).

Эти силы выглядели маргинально в США в 2013 г. и выглядят существенно влиятельнее в 2018 г. после годовщины президентства Дональда Трампа. Кроме того, они являются потенциальной альтернативой тотализирующей власти государства в то самое время, когда ЛГБТ-активизм полностью подчинился логике государственного признания брачных отношений. Именно поэтому потоки власти важно рассматривать в совокупности и в деталях, не считая конкретную историческую форму отношения к сексуальности чем-то статичным. Изменения происходят постоянно, но за ширмой оппозиционных споров и дихотомий сложно разглядеть нюансы этих изменений. Анализ отношений власти позволяет выработать дистанцию как к «плохим», так и к «хорошим» действиям правительств, чтобы сохранить субъектную автономность. Власть имеет тенденцию к установлению тотального контроля над нашими формами жизни, но мы все еще способны заботиться о себе через диверсификацию утопий нашего возможного будущего.

Библиография

Козловский В. (1986) *Арго русской гомосексуальной культуры*, Бенсон: Chalidze Publications.

Кон И. (2003) *Лики и маски однополой любви: лунный свет на заре*, М.: АСТ.

Кондаков А. (2012) Человек и гражданин: сексуальность как способ конструирования гражданственности в России. *Неприкосновенный запас*, 85 (5): 249–258.

Стелла Ф. (2014) Исследование жизни лесбиянок в советский период: поколенческий подход. А. Кондаков (ред.) *На перепутье: методология, теория и практика ЛГБТ- и квир-исследований*, СПб.: Центр независимых социологических исследований: 231–248.

Фуко М. (2005) *Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году*, СПб.: Наука.

Хили Д. (2008) *Гомосексуальное влечение в революционной России. Регулирование сексуально-гендерного диссидентства*, М.: Ладомир.

Хили Д. (2014) Что такое «традиционные сексуальные отношения»? А. Кондаков (ред.) *На перепутье: методология, теория и практика ЛГБТ- и квир-исследований*, СПб.: Центр независимых социологических исследований: 55–67.

Эссиг Л. (2014) «Сердца геев надо зарывать в землю»: размышления об охоте на гомосексуалов в России. А. Кондаков (ред.) *На перепутье: методология, теория и практика ЛГБТ- и квир-исследований*, СПб.: Центр независимых социологических исследований: 3–23.

Altman D., Symons J. (2016) *Queer Wars: The New Global Polarization over Gay Rights*, Cambridge: Polity Press.

Ashworth M. (2017) Affective Governmentality: Governing Through Disgust in Uganda. *Social & Legal Studies,* 26 (2): 188–207.

Butler J., Athanasiou A. (2013) *Dispossession: The Performative in the Political*. Cambridge: Polity.

Chenga S., Powell B. (2015) Measurement, methods, and divergent patterns: Reassessing the effects of same-sex parents. *Social Science Research*, 52: 615–626.

Foucault M. (1978) *The History of Sexuality. Vol. 1: An Introduction*, New York: Pantheon.

Healey D (2008) "Untraditional sex" and the "simple Russian": Nostalgia for Soviet innocence in the polemics of Dilia Enikeeva. T. Lahusen, Ph., Jr Solomon (eds) *What Is Soviet Now? Identities, Legacies, Memories*, Berlin: Lit Verlag: 173–191.

Kondakov A. (2013) Resisting the Silence: The Use of Tolerance and Equality Arguments by Gay and Lesbian Activist Groups in Russia. *Canadian Journal of Law and Society*, 28 (3): 403–424.

Kondakov A. (2014) The Silenced Citizens of Russia: Exclusion of Non-heterosexual Subjects from Rights-Based Citizenship. *Social & Legal Studies*, 23 (2): 151–174.

Leckey R. (ed.) (2015) *After Legal Equality: Family, Sex, Kinship*, London: Routledge.

Massad J.A. (2002) Re-Orienting Desire: The Gay International and the Arab World. *Public Culture*, 14 (2): 361–385.

Perrin A.J., Cohen Ph.N., Caren N. (2013) Responding to the Regnerus Study. *Journal of Gay & Lesbian Mental Health*, 17: 327–336.

Rosenberg J., Villarejo A. (2012) Introduction: Queerness, Norms, Utopia. *GLQ: A Journal of Lesbian and Gay Studies*, 18 (1): 1–18.

Wilkinson C. (2014) Putting "Traditional Values" into Practice: The Rise and Contestation of Anti-Homopropaganda Laws in Russia. *Journal of Human Rights*, 13 (3): 363–379.

References

Altman D., Symons J. (2016) *Queer Wars: The New Global Polarization over Gay Rights,*. Cambridge: Polity Press.

Ashworth M. (2017) Affective Governmentality: Governing Through Disgust in Uganda. *Social & Legal Studies,* 26 (2): 188–207.

Butler J., Athanasiou A. (2013) *Dispossession: The Performative in the Political*, Cambridge: Polity.

Chenga S., Powell B. (2015) Measurement, methods, and divergent patterns: Reassessing the effects of same-sex parents. *Social Science Research*, 52: 615–626.

Essig L. (2014) "Serdtsa geyev nado zaryvat v zemlyu": razmyshleniya ob okhote na gomoseksualov v Rossii ["Bury Th eir Hearts": Some Thoughts on the Spectre of Homosexuality Hauntig in Russia]. A. Kondakov (ed.) *Na pereputie: metodologiya, teoriya i praktika LGBT i kvir-issledovaniy [On the Crossroads: Methodology, Theory and Practice of LGBT and Queer Studies],* St. Petersburg: Center for Independent Social Research: 3–23.

Foucault M. (1978) *The History of Sexuality Volume 1: An Introduction*, New York: Pantheon.

Foucault M. (2005) *Nuzhno zashchishchat'obshchestvo: Kurs lektsii, prochitannykh v Kollezh de Frans v 1975–1976 uchebnom godu. [The Society Must Be Defended: Lectures in College de France de 1975–1976],* Saint Petersburg: Nauka.

Healey D (2008) "Untraditional sex" and the "simple Russian": Nostalgia for Soviet innocence in the polemics of Dilia Enikeeva. T. Lahusen, Ph., Jr Solomon (eds) *What Is Soviet Now? Identities, Legacies, Memories*, Berlin: Lit Verlag: 173–191.

Healey D. (2008) *Gomoseksualnoe vlechenie v revoljutsionnoy Rossii. Regulirovanie seksualno-gendernogo dissidentstva. [Homosexual Desire in Revolutionary Russia: The Regulation of Sexual and Gender Dissent],* Moscow: Ladomir.

Healey D. (2014) Chto takoye "traditsionnyye seksual'nyye otnosheniya"? [What is "Traditional Sex"?]. A. Kondakov (ed.) *Na pereputie: metodologiya, teoriya i praktika LGBT i kvir-issledovaniy* [On the Crossroads: Methodology, Theory and Practice of LGBT and Queer Studies]. St. Petersburg: Center for Independent Social Research: 55-67.

Kon I. (2003) *Liki i maski odnopoloy ljubvi: lunnyi svet na zare. [Moonlight at Dawn: Faces and Masks of the Same-sex Love],* Moscow: AST.

Kondakov A. (2012) Chelovek i grazhdanin: seksualnost' kak sposob konstruirovaniya grazhdanstvennosti v Rossii [Human and citizen: sexuality as a way of constructing citizenship in Russia]. *Neprikosnovennyy zapas*, 85 (5): 249–258.

Kondakov A. (2013) Resisting the Silence: The Use of Tolerance and Equality Arguments by Gay and Lesbian Activist Groups in Russia. *Canadian Journal of Law and Society*, 28 (3): 403–424.

Kondakov A. (2014) The Silenced Citizens of Russia: Exclusion of Non-heterosexual Subjects from Rights-Based Citizenship. *Social & Legal Studies*, 23 (2): 151–174.

Kozlovskij V. (1986) *Argo russkoj gomoseksualnoj kultury. [Argot of Russian Homosexual Culture],* Benson: Chalidze Publications.

Leckey R. (ed.) (2015) *After Legal Equality: Family, Sex, Kinship*, London: Routledge.

Massad J. A. (2002) Re-Orienting Desire: The Gay International and the Arab World. *Public Culture*, 14 (2): 361–385.

Perrin A.J., Cohen Ph.N., Caren N. (2013) Responding to the Regnerus Study. *Journal of Gay & Lesbian Mental Health*, 17: 327–336.

Rosenberg J., Villarejo A. (2012) Introduction: Queerness, Norms, Utopia. *GLQ: A Journal of Lesbian and Gay Studies*, 18 (1): 1–18.

Stella F. (2014) Issledovanie zhizni lesbijanok v sovetskij period: pokolencheskij podkhod. [Researching the Lives of Lesbians during the Soviet Period: A Generational Approach] A. Kondakov (ed.) *Na pereputie: metodologiya, teoriya i praktika LGBT i kvir-issledovaniy [On the Crossroads: Methodology, Theory and Practice of LGBT and Queer Studies],* St. Petersburg: Center for Independent Social Research: 231–248.

Wilkinson C. (2014) Putting "Traditional Values" Into Practice: The Rise and Contestation of Anti-Homopropaganda Laws in Russia. *Journal of Human Rights*, 13 (3): 363–379.

Рекомендация для цитирования/For citations:

Кондаков А.А. (2018) Международные дискуссии о гомосексуальности: эффекты бумеранга в потоках власти. *Социология власти*, 30 (1): 14-32.

Kondakov A.A. (2018) International Discussions of Homosexuality: Boomeranging effects in power currents. *Sociology of Power*, 30 (1): 14-32.

Поступила в редакцию: 20.10.2017; принята в печать: 30.12.2017